

УЗЛОВЫЕ ТОЧКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Епископ Дионисий (Алферов)

Дионисий Алферов

Узловые точки русской истории

«Издательство «Перо»

2018

УДК 23/28
ББК 86.372

Алферов Д.

Узловые точки русской истории / Д. Алферов — «Издательство
«Перо», 2018

ISBN 978-5-00122-338-2

Основой подлинных духовных и социальных ценностей человека служит знание и верное понимание им уроков отечественной и мировой истории. Известный автор Русской Зарубежной Церкви, постоянно живущий и служащий в России, епископ Дионисий (Алферов) за четверть века пастырского служения написал ряд историко-публицистических статей о русском прошлом, призванных ответить на актуальные вопросы современного общественного сознания. Статьи разных лет, публиковавшиеся ранее, приводятся в авторской версии 2018 года. Подробнее с автором и его работами можно ознакомиться на сайте: www.evanorthodox.ru

УДК 23/28

ББК 86.372

ISBN 978-5-00122-338-2

© Алферов Д., 2018

© «Издательство «Перо», 2018

Содержание

О нашем преемстве с исторической Россией	5
У истока христианской цивилизации	10
Отношение Римской империи к христианству	11
Отношение христианства к Римской империи	13
Предшественники Константина	17
Приход к власти Константина и Миланский эдикт	19
Первые шаги по христианизации империи	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Епископ Дионисий (Алферов)

Узловые точки русской истории

О нашем преемстве с исторической Россией (вместо предисловия)

В русской истории очень тесно переплетены церковная, государственная и национальная составляющие, так что вычленить какую-либо одну из них довольно затруднительно. Один из русских церковных историков верно заметил, что история Русской Церкви разделяется на эпохи по великим князьям, царям и императорам. Но и сами русские князья, цари и императоры, как христианские государи воспитаны Церковью, и вся их деятельность так или иначе от Церкви исходила и к ней же направлялась. Русские при св. благоверном князе Владимире получили от Византии не только христианское догматически отчеканенное учение, но и христианский государственный строй – православную монархию. Под влиянием монархического идеала складывалась вся русская государственность со своими отличительными особенностями. В рамках этого государства под водительством Церкви постепенно формировался единый русский народ. Окормляя народ и взаимодействуя с государством, одна из провинциальных митрополий Константинопольского патриархата постепенно возросла в Русскую Церковь.

Эти три составляющих русской истории: церковная, государственная и национальная, позднее нашли свое выражение в триединой формуле: Православие, Самодержавие, Народность, и в аналогичном воинском призыве: За Веру, Царя и Отечество. Вместе их можно объединить понятием **Историческая Россия**, та Россия, которая сложилась за девять с половиной веков своей христианской истории. Очевидно, что и сегодня всякому движению, претендующему на название русского патриотического необходимо исповедовать свою преемственность с исторической Россией. Для этого нужно не только хорошо знать русскую историю, но и правильно ее понимать и любить.

История России изобилует страданиями и кровью, многими бедствиями и катастрофами. Один историк верно засвидетельствовал, что если обозначить русскую историю одним словом, то этим словом будет **трагедия**. Трагедий в нашей истории много, причем самые большие из них случались даже не от внешних нападений, а от внутренних разделений. Только при поверхностном взгляде на русскую историю можно говорить, что разделения и расколы в нашем народе случались лишь по причине личных страстей и амбиций. Едва ли не больше конфликтов (и наиболее ожесточенных!) бывали между единокровными по причине разных жизненных установок и национально-государственных идеалов. Уже князю Владимиру пришлось разрываться с языческой верой и обычаями отцов ради истины Христовой, и конфликт его с бывшими соратниками, оставшимися в язычестве, был неизбежен. Великие князья суздальские, а затем московские для объединения Руси строили самодержавие, и не могли убедить новгородских «демократов» в его пользе иначе, как только на поле брани. Разрывом кончилась прежняя дружба царя Иоанна Грозного с князем Андреем Курбским, царя Алексея Михайловича с патриархом Никоном и сего последнего с протопопом Аввакумом – и прежде всего потому, что их церковно-государственные взгляды оказывались несовместимыми.

В этом смысле историю России интересно сопоставить с историей ветхозаветного Израиля, в котором постоянно происходило промыслительное разделение между рабами

Божиими, желавшими служить Ему Единому, и рабами греха, служившими другим богам. В истории Израиля служители истинного Бога постоянно сталкиваются с богоотступниками, пророки Господни – с пророками Ваала. Одни создают храм Божий, другие оскверняют

его; одни радостно встречают пришествие Мессии, другие готовят Ему крест. В одном поколении встречаются Иоанн Креститель и Апостолы с одной стороны, и Ирод, Анна и Каиафа с другой. При таком диапазоне духовно-нравственных состояний желаемое национальное единство постоянно рвется. Обретается оно Израилем только после христоубийства и извержения из своих рядов евреев-христиан. И основа этого единства антихристианская, противобожная.

Нечто подобное мы наблюдаем и в истории России. В лице своего крестителя – благоверного князя Владимира, русский народ вступает в завет с Богом. Но далеко не все способны понимать высоту этого служения, тем более подчинить свою жизнь (личную, общественную, государственную) этому служению. Отсюда такое внутреннее напряжение в русской истории, где святость и грех часто встречаются рядом, как свет и тень: святые Борис и Глеб – и окаянный Святополк, святой князь Михаил Тверской и Юрий Московский, и т. д. Русская история знает много примеров святости, благочестия и доблести, но едва ли меньше примеров низости и подлости. По этому поводу Константин Леонтьев остроумно заметил, что русский человек может быть или отчаянным грешником, или святым, но редко бывает просто порядочным человеком. Цели земного преуспевания и материального благополучия объединяют современное западное общество, как и еврейство.

Смысл же русской истории ее духовными вождями понимался не в построении сытого общества, не в зоологическом империализме или шовинизме, а в жизни ради Царствия Божия, в трудах ради получения этого Царствия. Именно здесь проходит главная линия русской истории. Конечно, живя на земле, нашим предкам приходилось отстраивать свое государство, собирать свой народ, организовывать его, технически вооружать. Но это все-таки являлось вспомогательным, не основным для русского человека, и когда он об этом забывал, промысел Божий напоминал ему об этом суровыми испытаниями.

Обилие тяжелых бедствий в русской истории часто ставило исследователей в тупик: почему? за что? Почему самые тяжкие национально-государственные потрясения в нашей истории свершаются на фоне относительного внешнего благополучия? За что это Провидение постоянно не дает русским возможности жить, как все другие народы? На самом деле главная причина тяжелых исторических испытаний в том, что, избрав и будучи избрана на служение Богу, Россия подверглась многим искушениям со стороны сил зла. В течение веков Россия была ареной борьбы Христа с веляром. В этой борьбе испытывалось произволение русских людей, они окончательно выбирали, **с кем они**.

При этом многое в русской истории остается до конца непонятым и в принципе непостижимым, даже если сойти с материалистической и рационалистической точки зрения и постоянно иметь в виду фактор промысла Божия. Так, например, рассматривая причины российской катастрофы после 1917 года, мы не можем полностью ответить на проклятый вопрос: за что? Да, были грехи, было отступление от веры, было стремление к самовольству, было обольщение различными идейными химерами.

За все это нужно было понести наказание. Но и у других народов и государств подобных грехов бывало не меньше нашего, а героических примеров подвига за веру и верность Богу, по сравнению с русской историей, случалось не столь много, – однако эти народы не подвергались столь страшным испытаниям. Да, народу, вступившему в завет со Христом, должно было не только нести свой крест, но и сораспяться своему Господу, но почему же не сразу после распятия и Воскресения? Неужели недостаточно крови стольких новых мучеников, чтобы омыть ею прежние отступничества и прегрешения? – Вопросы дерзновенные, на них нет ответа. Промысел Божий о России остается для нас непостижимым, судьбы Божии от нас скрыты. Христианская вера подает нам утешение в сознании того, что Бог пребывает и благим, и справедливым и всемогущим, даже если, любя человека, не дает ему отчета в своих действиях.

Идейное, нравственное и духовное состояние русского народа ныне, по-видимому, одно из худших за всю нашу историю. По данным социологического опроса за 2000 год, какие каче-

ства государственных деятелей следует ценить больше, на первом месте для отвечавших оказалась компетентность, за нею воля, гибкость ума, решительность и т. п. На 11-м месте честность, на 12-м справедливость, а совесть на 22-м. Предлагалась ли в этом списке качеств еще и 23 позиция, нам неизвестно, однако и без того представленная раскладка общественных идеалов говорит о многом. Много ли изменилось с тех пор?

Но с другой стороны, прежде в истории Промысел не только “отслеживал” мнения и настроения черни. Почему же, Православная Россия, рухнув, не исчезла из истории совсем? Почему *отнятое от нас Царство Божие не передано иному языку, приносящему плоды его*, а с другой стороны, колеса истории все еще крутятся, столько лет, приближая мир к концу, который все же непосредственно еще не проглядывается?

Эти вопросы так же следовало бы отнести к дерзновенным. При этом заметим, что для огромного большинства современных русских людей представляется невозможным и недопустимым поставить точку в конце книги собственно русской истории. Многие соглашаются, что современное наше народно-государственное и церковное состояние является неудовлетворительным, но все верят, что Россия может восстать вновь в каком-то новом облике. Во всяком случае, какого-то будущего чают и каким-то образом к нему стремятся. Взглядов, что историческое бытие России и русского народа **кончилось**, не разделяет практически никто. Что вздыхать о прошлом, нужно как-то делать будущее, – на этом тезисе сойдутся, пожалуй, выразители самых разных общественных идеалов.

Ключ к пониманию русской истории – во Христе. Без живой веры во Христа понять русскую историю и русскую душу решительно невозможно. Именно со Христом связаны лучшие движения души русского человека, лучшие проявления его творчества. Христу служили лучшие люди России – ее святые, а за ними тянулись и остальные. Непонимание русской истории многими современными патриотическими деятелями связано с тем, что это или откровенные атеисты, или принимающие Православие, как партийную идеологию, но, по сути, тоже неверующие (показательно, что они не любят называть себя христианами, легче именуют себя “православными”, понимая под этим нечто отличное от традиционного церковного значения этого слова).

У современных славянских язычников с их известной триадой: антисионизм, антихристианство, антимарксизм в центре проповеди, несомненно, стоит антихристианство. Именно сюда направляется их главное устремление, а словоблудие, будто “христианство есть троянский конь иудаизма”, используется лишь для прикрытия. Личная неприязнь ко Христу служит главной опорой их вражды к исторической России, отвержения всей русской истории, начиная с князя Владимира, и она же является побудителем для сочинения мифов о “славном языческом прошлом Руси”.

Евразийцы (см. о них чуть подробнее в статье “Михаил Тверской”) также избрали для себя путь “быть Востоком Ксеркса, а не Христа” (если перефразировать известные слова В. Соловьева). Достаточно сравнить, каким “высоким штилем” повествует их учитель профессор Л. Гумилев о Чингисхане или Тамерлане, и с каким презрением пишет он о князе-мученике Михаиле Черниговском и других благоверных русских князьях и воинах, павших в боях с азиатскими завоевателями. Находя множество оправданий для кровавых восточных деспотов, он не находит ни одного оправдания для Руси, растоптанной монголами. Как человек, чуждый живой веры, он не может оценить подвига мученичества за веру, не может сочувствовать русским христианам, предпочетшим лучше умереть, чем стать приспособленцами. И потому историк Гумилев, несмотря на его огромную эрудицию и остроумные соображения относительно истории евреев, остается чуждым исторической России.

Вместе с язычниками и евразийцами свой национально-государственный идеал исповедуют и национал-большевики, подобно им основывая его на культе внешней силы государства.

И для них тоже совесть остается на 22-м месте, а компетентность – на первом. Потому историческая Россия в ее совокупности неприемлема и для них (за исключением отдельных, вырванных и криво перетолкованных эпизодов), в особенности же – императорский период.

Любимая тема национал-большевических идеологов, поддерживаемая и многими “правыми” православными, это “промасоненность” высшего слоя царской России, от которой нас якобы спасла опять-таки революция. Тщательно собирая компромат на всех видных деятелей русской истории, борцы с масонством дополняют отсутствующие факты вымыслами и фантазиями. Записанными в масоны (читай: в платные, тайные агенты сионских лож) оказалось множество выдающихся русских людей: все цари от Петра I до Николая II, многие герои и полководцы, включая М.И. Кутузова, писатели, историки, государственные деятели и т. д. Принадлежность же того или иного лица к масонству (действительная или предполагаемая) в соответствии с советской традицией рассматривается как несмыслимое клеймо, как нечто такое, что полностью и отрицательно определяет человеческую личность и ее роль в истории. В последние годы нам усиленно внушается, что вся классическая русская литература была масонской, так же как и русская школа. Отсюда, в конце концов, выводится оправдание революции, покончившей с масонством.

В условиях широкой и подлинной свободы для творческой мысли в царской России в русскую культуру, действительно, проникло много западных не православных влияний. Многие деятели русской государственности и культуры, действительно, были увлечены и масонством, но впоследствии отвергли его. Да и степень посвященности в сатанинские глубины была весьма малой для огромного большинства русских «каменщиков», которые не имели должного понятия о тайной стороне и подлинных целях масонства. Увлечение масонством равнялось увлечению гуманизмом вообще, что, конечно, несравнимо с какой-то темной эзотеричностью или революционной борьбой. Практически все русские мыслители XIX века от И. Киреевского до К. Леонтьева и Л. Тихомирова прошли период увлечения Западом, но затем преодолели его. Притом сделали это совершенно **свободно и сознательно** (в царской России не было политруков, способных убеждать кого угодно в правильности курса партии). В полемике с западными учениями они и обосновали русский путь. Их произведениями мы назидаемся и доныне. Подобно и русская богословская школа по свободному убеждению, а не по синодальному циркуляру, к концу XIX века практически освободилась от влияний Запада.

В русской классической литературе, несмотря на наличие пустой беллетристики и не в меру критических произведений, содержится нечто весьма ценное, на что указывал еще митрополит Антоний (Храповицкий), а именно то, что она в лучших своих произведениях остро поставила вопросы нравственные. В этом проявились ее христианские корни. Для наших писателей того времени совесть и правда были важнее всего – и, вероятно, это сложно понять тому, кто этим категориям отводит у себя 22-е место. Привыкший заниматься абстрактной идеологией или сбором компромата вряд ли побоится того, что изгнание из школы русской классической литературы порвет еще одну (возможно последнюю) связь подрастающего поколения с исторической Россией.

Царская Россия предоставила людям слишком большую свободу, которой пользовались и добро, и зло. Добро от этого становилось добрее и краше, зло от этого становилось сильнее и злее, – ведь то и другое выбиралось **свободно**. Революция дала свободу только злу, не оставив добру вообще никаких прав. Если царская Россия достойна упрека за то, что плохо служила Богу, то советская (и постсоветская) политическая система открыто (или скрыто) боролась с Богом, служа врагу Его. Потому-то революция и разрывает живую ткань русской истории.

Приведенная нами выше шкала человеческих качеств и ценностей в ее современном понимании заслуживает того, чтобы вновь и вновь вернуться к ней мыслью. Может быть, в ней вообще наиболее ярко выражен самый корень русской трагедии. Честность – дело одина-

дцатое, благородство – восемнадцатое, а впереди – компетентность, решительность и гибкость ума. Соедините компетентность и гибкость ума с совестью, стоящей на 22-м месте! Пожалуй, сам дьявол не отказался бы расставить в таком порядке свои душевные качества.

И вот отсюда все оценки исторической России, ее прошлого и будущего. Для русского царя, для русского дворянина, для русского воина благородство не может стать на каком-то третьем месте, оно вместе с совестью будет впереди. А слова “компетентность” в прошлом веке и вовсе, наверное, не понимали. Кому же из современных людей понравится такое “некомпетентное” государственное правление? Монархию, как своего рода “диктатуру совести”, не понимают по той самой причине, что о самой совести представления весьма расплывчаты.

Но и среди самих монархистов нет единства идеалов. Кто-то видит в монархии просто наследную диктатуру, не чувствуя ее глубоких религиозных основ. Имеются ведь и монархисты, превозносящие царство Ивана Грозного, как зенит монархической идеи, и также отрицающие имперский период. Иные видят в монархии просто наиболее традиционную и легитимную форму правления, опять же не обращая должного внимания на религиозный смысл царской власти.

В нашей русской истории мы постоянно отмечаем как раз противоположные черты: благородство, великодушие, милость. Убить раненного неприятеля или ограбить мирного обывателя – такое в русской армии всегда считалось не только преступлением, но и позором; делом, не просто подлежащим наказанию, но и крайне постыдным. Патриотическим терроризмом и революцией не вернешь ту Россию, которая была и которая нам нужна.

Этих общих рассуждений, полагаю, достаточно. История любого народа состоит из конкретных лиц и событий, каждое из которых уникально. И каждое являет пример, как в конкретных условиях решались все обозначенные выше проблемы. Далее в книге рассматриваются сложные периоды русской истории, у которых в современном мире нет однозначных и ясных оценок. Именно такие узловые исторические точки и помогают нам понять то самое приобретение для ума и сердца, которое принято именовать уроком истории. Урок истории не в школьном смысле слова, а в том, что за не усвоение этого урока обычно приходит наказание.

У истока христианской цивилизации (к 1700-летию Миланского эдикта)

В нынешнем году исполняется 1700 лет Миланскому эдикту, принятому императором Константином Великим в 313 году. Этот указ гарантировал свободу совести всем подданным Римской империи и даровал свободу деятельности для христианской церкви. В истории христианства открылась новая эпоха, так и названная константиновской, эпоха союза, симфонии церкви и империи. Именно эта многовековая эпоха сформировала облик церкви, ее учение, структуру, богослужение, привела в ее лоно новые народы. Либеральные историки, начиная с XIX века и доныне, стремились найти в ней как можно больше темных пятен, унижить ее и очернить. Их предвзятые выводы широко подхвачены людьми, мало сведущими в истории, как из не православных христиан, так и вне христианской среды. Действительно, константиновская эпоха содержала в себе много негатива: утрату свободы церкви, подчиненной государству, обмирщение иерархии и клира, формальное причисление к официальной церкви множества формальных или фальшивых христиан и т. д. Но все познается в сравнении. Столетие, прошедшее после падения последней христианской империи – Российской, показывает нам, что церковь, освободившись от опеки христианской государственной власти, отнюдь не обретает свободу, а попадает в зависимость от другой власти, не христианской, или прямо антихристианской. Свобода от государственной власти не приносит свободы от греха, и «свободная» церковь часто более утопает в пороках, чем «несвободная». Наконец, на наших глазах активно строится глобальная цивилизация «нового Содома», навязывающего всем свою явно антихристианскую идеологию, омерзительную содомскую субкультуру. На этом фоне светлым пятном смотрится ушедшая константиновская эпоха и особенно ее начало – император Константин Великий и его правление.

Константин Великий и в своей личности, и в своей деятельности как император попытался осуществить синтез христианства с Римской государственностью и греко-римской культурой. То верно, что империя Константина не стала земным царством Христа, Царством Божиим, – да он и не ставил себе такой цели, понимая, что рай на земле невозможен. Но было положено начало новой христианской цивилизации, определившей на века путь человечества. И сама Кафолическая Церковь, как она сложилась в истории, есть та, которая возросла под крылом обновленной Римской империи, усвоив себе лучшие достижения греко-римской культуры. Другой Кафолической христианской церкви не было. Те церковные сообщества, которые отвергли союз с империей Константина, быстро выродились в схизмы и секты и в основном исчезли из истории. Противоимперское христианство оказалось бесплодным и нежизнеспособным. Попробуем бегло осмотреть, как складывался этот союз церкви и империи.

Отношение Римской империи к христианству

По оценке Л. Тихомирова, “Рим начинался с одного города уже с характером империи”. Государственное строительство было подлинным призванием Рима. Римские государственные мужи умели управлять своими и чужими людьми, умели внушать уважение и страх к римскому имени, могли заставить подчиняться себе самые разные народы. По оценке Т. Монзена, большинство городов и государств эллинистического мира, восточного Средиземноморья, приняли власть Рима добровольно, признав тем самым, что самостоятельно существовать и управляться они не могут. Римский порядок и закон действовал независимо от личных качеств носителей власти. В. Болотов замечал, что если история Греции есть история ее личностей, то история Рима – это история учреждений и законов, заслоняющих даже яркие личности.

Достигнув больших успехов на пути государственного строительства, объединив в своих границах почти весь античный мир, включив в свою империю самые разные народы, Рим создал подлинный культ государства. Государство стало для римлян всем. По словам знаменитого Катона Старшего, хороший гражданин посвящал государству не только свое служебное время, но и свои досуги. Эта абсолютная ценность своего государства заставляла римлян подозрительно относиться к тем, кто имел иную шкалу жизненных ценностей, не считал государство самым важным в своей жизни.

В соответствии с государственным идеалом религия в Риме тоже была не частным, а государственным делом. Римляне справедливо считали религию важнейшей скрепой общества и опорой государства, но, к сожалению, этим в основном и ограничивались их религиозные искания. Жрецы официальной религии были государственными чиновниками, а сам император, со времен Цезаря и Августа был главой коллегии жрецов, *pontifex maximus*, верховный священник. Обряды государственной религии постепенно становились обязательными для всех подданных государства, независимо от их убеждений, как признак лояльности добропорядочных граждан.

Император в системе государственной религии рассматривался, как лицо божественное, хотя и не бог в точном смысле слова (*divinus*, а не *deus*), имеющий своего духа-покровителя, “гений императора”. Посмертное причисление к богам (апофеоз) совершалось далеко не для всех императоров. Для освящения личности носителя верховной власти и придания устойчивости всей государственной системе в рамках политеизма ничего другого не предусматривалось. Поэтому сначала от воинов и государственных служащих, а с середины III века и от всех подданных требовалось принесение в жертву ладана перед статуей императора и клятва “гением императора”. Здесь государственная религия требовала человекопоклонства. За оскорбление величества императора наказывали строго, и, как заметил Тертуллиан, цезаря боялись больше, чем Юпитера.

При этом римская государственность демонстрировала большую терпимость к другим религиям на территории империи, но при наличии ряда условий. Представители других религий не должны были отрицать римских богов; сами эти религии должны быть достаточно древними, иметь связь с определенным народом, иметь чтимые храмы и святилища. При соблюдении этих условий другие религии получали статус разрешенных (*religio Иска*), свободу отправления культа, сохраняли свои храмы, права и владения среди своих народов. Некоторые же религии получали и свои особые права от императора. Так, иудеи никогда не соглашались открыто воздать честь римским богам, но от них этого почти никогда и не требовали, от Помпея до Антонинов. При этом Иерусалимский Храм, достроенный Иродом, постоянно получал пожертвования от римских императоров, вплоть до начала Иудейской войны. Иудейское единобожие нельзя признать гонимым в Римской империи до этих самых трагических событий.

А христианство никак не удовлетворяло ни одному из трех основных требований к *religio licita*. Оно было не древней, а новой религией, не было узко национальной, как иудаизм, а охватывало людей всякого племени, и наконец, не имело древних храмов, святилищ, идолов, но лишь места собраний и кое-где первые символические изображения. Самое главное – оно не признавало богов языческих религий, в частности, римского пантеона. Исповедуя Христа Иисуса единственным Божественным Царем, Господом и Спасителем, оно отказывалось в таком самом качестве признавать небезгрешного и смертного человека – императора, а именно такого признания от христиан и требовал государственный культ цезаря. В конечном итоге здесь было противоречие между религией, как частью государственного служения и религией личного убеждения, между религией государственного обряда и религией совести человека. Это отмечали первые христианские апологеты. Государственная религия под покровом обрядовости воспитывала скептиков и атеистов, которые составляли большинство среди чиновников II–III веков. Здесь уже было противостояние между живой верой и прямым неверием.

Важным пунктом расхождения между империей и христианством было отношение к греко-римской культуре. Ко времени возникновения христианства культура эллинизма и находящегося под его влиянием романизма достигла своей вершины. Достаточно напомнить, что программа среднего школьного античного образования “тривиум” и “квадриум” (семь наук) сохранялась в Европе до XVI века практически без изменений. Учебники Аристотеля по логике, психологии, этике, биологии, Евклида – по геометрии, Птолемея по астрономии, Гиппократ и Гален по медицине дожили до Нового времени. То же касалось философии, литературы и изобразительного искусства. Для ведущего слоя империи, античной интеллигенции, из которой состояло высшее чиновничество, эта культура составляла высшую ценность. Как позднее интеллигенты-декаденты XIX–XX веков, эти люди, не верившие в личного Бога, верили в культуру и поклонялись ей (“жрецы культуры”). Христианство же, поскольку и если оно отвергало эту культуру, выглядело в глазах античных интеллигентов варварской сектой. Впрочем, отношение христиан к современной им культуре было явлением не однозначным и сложным, о чем скажем ниже.

Отношение христианства к Римской империи

Христиане в своем отношении к Римской империи руководствовались, прежде всего, словами и примером самого Иисуса. Ответ Христа фарисеям о допустимости уплаты налога кесарю вполне ясен: *воздадите кесарево кесарю, а Божие – Богу* (Мф. 22,21). Оценка Христом галилейских повстанцев (см. Лк. 13, 2) показывает, что Он считал грехом мятеж против римской власти, почему и отказался быть царем – предводителем zelотов, желавших использовать Его дар чудотворений для антиримского восстания (см. Ии. 6, 15). Это не все. Сама нагорная проповедь Спасителя не может рассматриваться вне ее политического контекста, и блаженство, прореченное кротким, милостивым и миротворцам, а также любовь к врагам в этом контексте подтверждают общую линию Иисуса. Лояльное отношение Его к римской империи стало одной из важных причин отвержения Его большинством иудеев в качестве Мессии. Мессия мыслился иудеями как непримиримый военный победитель.

Первоверховные апостолы Петр и Павел согласно с Христом учили: *итак, будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро* (1 Пет. 13, 14). *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Итак, противящийся власти противится Божьему установлению* (Рим. 13, 1, 6). *Итак, прежде всего, прошу совершать молитвы, прошения, благодарения за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам тихую и безмолвную жизнь во всяком благочестии и чистоте* (1 Тим. 2, 1–4).

Эти апостольские оценки (записанные, напомним, в годы Неронова царства), в корне расходились с господствующим иудейским отношением к Римской империи. Иудеи большей частью гнушались римлянами, как язычниками, и в то же время завидовали могуществу Римской империи, желая и сами достигнуть мирового господства. Завершилось тем, что за полвека иудеи трижды поднимали масштабные антиримские восстания в 66–70, 118–119 и 130–135 годах, подавленные императорами Веспасианом, Траяном и Адрианом соответственно. Христианская же церковь принципиально не участвовала ни в этих, ни в менее масштабных мятежах. Духовно трезвые христиане видели две стороны в Римской державе. С одной стороны, это действительно, языческое государство, не знающее Единого истинного Бога и поклоняющееся самому себе, но, с другой стороны, это государство, объединившее практически весь античный мир, прекратившее междоусобия и самосуд, установившее везде единый порядок и закон, необходимый минимум справедливости и свободы, а тем самым невольно служившее делу Божию на земле. Один из первых христианских апологетов Мелитон, епископ Сардинский, в своей апологии обращал внимание на то, что Христос не случайно родился и был записан по переписи в число римских подданных, когда окончательно утвердилась Римская империя, и установилось единоличное правление императора Августа. Тем самым империя получила благословение свыше и потому должна сотрудничать с христианской Церковью в общем деле служения истинному Богу. Эта мысль не была частным мнением одного автора, она настолько отражала общий церковный взгляд, что впоследствии вошла в наши богослужебные тексты, в частности в стихиры на Рождество Христово (*Августу единоначальствующу на земли многоначалие человеков преста...*).

Кроме того, императоры, особенно философски образованные из династии Антонинов (96–180), усвоили себе широкий взгляд на равенство разных народов перед Богом. Еще Александр Македонский, строитель империи на Востоке, отвергал эллинский шовинизм, считавший варваров “рабами по природе”, подобными животным. Александр, по свидетельству Плутарха, говорил: “Бог – Отец всех людей, но особенно любит Он, как детей, людей добродетельных”. Известная фраза апостола Павла (1 Тим. 4, 10) звучит почти как аллюзия на эти

слова. Эта мысль, вполне созвучная учению Христову, была независимо усвоена и лучшими римскими императорами, строителями империи, принципиально избегавшими шовинизма и расизма. Желание осуществить братство народов давало империи и Церкви важнейшую точку соприкосновения.

Однако в христианстве с самого начала было и другое направление, которое относилось к империи резко отрицательно, не допуская возможности примирения и сотрудничества с нею. Для таких христиан империя была только воплощением язычества и демонизма, царством зверя-антихриста и древнего дракона, вавилонской блудницей, осужденной на скорое сожжение. С самого первого века к этому направлению примыкали многие иудео-христиане, воспитанные на иудейских преданиях и в частности на иудейской апокалиптике.

Со второго века им наследовали ригористы, сторонники “чистой церкви”, монтанисты, позднее новатиане, и донатисты, и другие схизматические объединения. В отрицании языческого государства и общества к ним примыкали еще более откровенные сектанты: аквариане, тетрадиты, манихеи и другие. Можно заметить, что католическое христианство, сохраняя принципиально верность Христу, более терпимо относилось к Римской империи, еще языческой, как в значительной степени “своей” (если не “по духу”, то хотя бы “по плоти”), признавало римские законы, допускало для христианина возможность военной и гражданской службы. Такое доброжелательное отношение, безусловно, способствовало успеху христианской проповеди. Схизматики же и сектанты, позиционировавшие себя как церкви мучеников, “чистых”, “пророков”, девственников, относились к империи враждебно, считая ее абсолютным злом, радуясь ее бедам, запрещая своим последователям военную и гражданскую службу. Такое отношение только усиливало подозрения римской власти, не разбиравшей течений внутри христианства, и тем самым провоцировало гонения на всех христиан без разбора, как якобы деструктивных сектантов.

Большое значение здесь имел и национально-культурный фактор, замеченный проф. В. Герье. Большинство последователей схизм и сект происходило из покоренных римлянами народов, слабо затронутых грекоримской культурой, бывших приверженцев изуверских культов. Например, абсолютное большинство монтанистов было из фригийцев, бывших поклонников Кибелы, большинство донатистов – это пунийцы, бывшие поклонники Молоха, мелетиане – из египтян, поклонников Изиды и т. д. Католические же христиане были в основном из греков и римлян, или из эллинизированных и романизированных народов.

Поэтому и отношение к греко-римской культуре, в частности, к получению образования, также разделяло христиан. Представители католического христианства, большинство апологетов (Иустин, Афинагор, Климент, Ориген) признавали определенную ценность за греческой наукой и философией. Но прежде нужно подчеркнуть, что они прекрасно знали ту и другую, в чем легко убедиться даже с первого беглого взгляда на их сочинения. Знали, и, следовательно, могли разобраться. Потому и находили в философии полезные мысли, согласные с библейским откровением или даже заимствованные из него. Такие мысли именовали “семенами Логоса”, то есть, возводили эти истины к Богу-Слову. Лучшим из греческих философов они отводили место учителям народа, даже своего рода пророкам, детоводителям к высшему христианскому откровению.

Представители схизматических течений, например, Татиан ассириец, основатель секты аквариан, Тертуллиан (монтанист), считали греческую философию изобретением демонов и отрицали за ней всякое полезное значение. Подобным образом христиане различались и по отношению к получению светского образования. Одни считали школу в целом полезной, хотя и с большими оговорками, касающимися языческой мифологии и нравов. Напомним, что греческая школа ставила своей задачей достижение “калокагатии”, душевно-тесного совершенства человека, путем развития у него правильной речи (грамматика и риторика), умственных способностей (математика и логика), эстетических (музыка, художества) и физических (гим-

настика). Все эти направления в любом виде общего образования сохраняются до сего дня, и никто без таких направлений в образовании не обходился.

Отцы-основатели знаменитой Александрийской школы – Пантен, Климент и особенно Ориген – превратили ее одновременно в общеобразовательную школу (одно отделение) и христианское огласительное училище – место христианской проповеди (второе отделение). По свидетельству современников, в разгар деятельности Оригена на обоих отделениях обучалось одновременно до полутора тысяч человек. Вот как создавалась древняя церковь! Подобная же программа была и у другой школы, также основанной Оригеном в Кесари Палестинской. Альтернативная Александрийской школа Антиохийская, основанная в III веке пресвитерами Лукианом и Дорофеем, также большое место уделяла изучению логики, философии, этики и риторики.

Те, кто отрицали светское образование, считали, что христиане должны научиться только из Писания и от Святого Духа. Здесь обнаруживается еще одно противостояние в самом христианстве, касающееся оценки самого человека, в его падшем состоянии. Антропологические минималисты усматривали в человеческой природе только зло, отрицая что-либо доброе за естественными человеческими способностями, в том числе к богопознанию.

Кафолический взгляд здесь более умерен; он признает и естественные человеческие способности, стараясь их правильно развивать в нужном направлении.

Будущее, безусловно, принадлежало кафолическому христианству, христианству школы и культуры, создавшемуся в результате синтеза библейского откровения и лучших достижений эллинизма. Сектантское направление своей озлобленностью и примитивизмом только отталкивало от себя лучших представителей античной культуры и привлекало к себе маргиналов. Во всяком случае, большинство апологетов и отцов церкви II–IV века вышло из античной школы, получило хорошее образование, которое сумело поставить на служение христианской проповеди. И напротив, основатель секты Монтан происходил из жрецов Кибелы, одного из самых отвратительных культов в язычестве.

Показателен и очень спокойный, доброжелательный тон, в котором вели полемику даже с раздраженными язычниками представители ученого христианства, например, Минуций Феликс в своем диалоге «Октавий», или Климент в своем «Педагоге», или Ориген в своем труде «Против Цельса». Только такой тон полемики в соединении с высоким научным уровнем мог приносить миссионерские плоды.

Отношение просвещенных христиан к изобразительному искусству эллинизма, служившему одной из главных приманок язычества, точно выразил Ориген. Отвечая на упрек Цельса, что христиане не ценят творений великих скульпторов, таких, как Фидий, и готовы их уничтожить, Ориген отвечал, что, мол, мы ценим работы Фидия, но не воздаем им поклонения, подобающего Единому Богу. Эти слова выражают и отношение христиан к античной культуре в целом. Проблема заключалась в шкале ценностей. Греко-римская культура, объективно добившаяся высоких результатов, считала саму себя высшей ценностью и требовала себе служения и поклонения. Просвещенное христианство объективные успехи этой культуры относил к Единому Подателю всех талантов и способностей – Богу, к Его семенам, посеянным среди разных народов, и желало, чтобы деятели культуры сознавали свое служебное положение по отношению к истинному Богу, служили бы Ему, а не самим себе.

Просвещенное христианство отличалось в том же отношении и от христианства варварского, желавшего полного уничтожения античной культуры. Яркий пример тому – готы и вандалы, христиане арианского направления, не разбиравшиеся в богословии, а просто отрицатели и разрушители. Готский князь Аларих со своей ордой прошел Балканы, разорил Дельфы, Афины, Коринф и еще десятки городов Греции, затем громил Италию, наконец, в 410 году захватил и опустошил Рим. Везде его орда разбивала статуи, разрушала храмы, жгла рукописи. Еще большим варварством отмечены следы вандальского вождя Гензериха, опустошившего

Африку, Сицилию и Рим в 453 году. Имя этого племени стало нарицательным. Варварское христианство, родственное сектантскому, далеко отстоит от христианства католического, христианства апологетов и отцов – созидателей новой христианской культуры, а не разрушителей старой. И разница между этими двумя направлениями в христианстве обозначилась задолго до того, как христианство стало господствующим в Римской империи.

Таким образом, и самому христианству для приведения империи к служению истинному Богу требовалось, сохраняя верность своему изначальному учению, опровергнуть предубеждение, будто христианство лишь варварская секта, враждебная культуре, обществу и государству. А для этого нужно было не только повысить свой культурный уровень, чтобы вести проповедь на уровне образованных язычников, но и увидеть среди этих язычников и их культуры “семена Логоса”, действия Промысла Божия, отказаться от свойственной иудеям позиции презрения и ненависти ко всему чужому.

Оговоримся снова: при условии сохранения верности христианскому откровению, Священному Писанию. Соблюсти ее было важно и тоже нелегко. Тот же Ориген здесь служит ярким примером перегиба в сторону эллинизма с его преувеличенным аллегоризмом в понимании Писания и с увлечением эллинскими идеями, вполне чуждыми Божественному Откровению.

Предшественники Константина

Апологии, обращенные к императорам II века со стороны образованных христиан, не достигли своей цели потому, что не дошли до главных адресатов: императоры по ряду причин их не прочитали. Но эти апологии «разрыхлили почву», заставили хотя бы часть язычников взглянуть на христиан по-новому, вступить с ними в полемику по существу. Первый успех в обращении к императорской власти был достигнут представителем христианской школы, отцом христианского научного богословия Оригеном. Именно Ориген, стремившийся к синтезу христианского благовестия и эллинской философии, серьезно заинтересовал императрицу Юлию Маммею, мать молодого императора Александра Севера. Юлия Маммея специально приехала на встречу с Оригеном в Афины и целый месяц слушала его лекции. Под влиянием матери император Александр поставил в своей домашней молельне статую Христа и собирался сам встретиться с Оригеном после поездки в Германию. Мятеж Максимиана Фракийца (235), убившего императора Александра вместе с матерью, сорвал эту первую попытку обращения императора в христианство.

Через тринадцать лет после этого события христианством заинтересовался император Филипп Аравиец, правивший вместе с сыном, тоже Филиппом. Они уже считались в числе оглашенных и даже посещали в Риме пасхальное богослужение. Мятеж язычника Декия (249) и убийство обоих императоров Филиппов сорвал вторую попытку обращения императоров в христианство. Этот переворот обернулся для всей Церкви кровавым гонением, первым организованным властью в масштабах всей империи. Это гонение, при котором было множество отпавших, ликвидировало миссионерские успехи Церкви, достигнутые в предыдущие годы, загнало ее в катакомбы. При этом оба гонителя-язычника Максимиан и Декий, хотя использовали государственный аппарат для гонения на христиан, но были переворотчиками, узурпаторами власти. Их гонения выражали природу мятежа, бунта, а не имперского порядка.

Сама природа правового римского государства требовала законности и правосудия, а потому со временем преодолевала подобный произвол. Носитель верховной римской власти, император, независимо от своих личных симпатий и антипатий, обязан был поступать по закону. Сам римский престол – традиция Цезаря, Августа, Веспасиана и Антонинов, влияли на императора, воспитывали его как гаранта порядка, а не произвола. Наглядный пример – история с судом императора Аврелиана в отношении дела Антиохийской церкви (270). Сам император Аврелиан происходил из солдат, был знаменит тем, что в боях лично убил более тысячи врагов, имел прозвище «всегда Державший руку на мече». При этом он не любил христиан. Чего могла ожидать церковь от такого рубака? И, однако, епископы диоцеза Востока обратились к суду этого императора с иском против епископа Антиохийского Павла (Самосатского). Сей Павел был осужден двумя большими соборами за ересь и роскошный образ жизни (268), но продолжал удерживать церковное управление и церковное имущество. Император Аврелиан тщательно расследовал дело, опросил епископов Италии, кого они признают законным епископом Антиохии, и решил дело против Павла Самосатского, которому пришлось отдать то, что он удерживал. Из этого случая видно, что церковь на местном уровне еще до Константина имела право юридического лица и владела недвижимостью. Церковь даже во внутрицерковных делах признавала императорский суд, который при обычном течении дел был беспристрастным и справедливым.

Один из приемников и соратников Аврелиана Диоклетиан, тоже из солдат, первые 18 лет своего правления проводил терпимую и даже благожелательную к христианам политику. Христианская проповедь звучала невозбранно и число христиан весьма умножилось, причем особенно в армии и при императорском дворе. Сохранилось обращение одного из епископов к Диоклетиану, в котором этот пастырь, хваля политику императора в отношении Церкви, прямо

предлагает ему самому стать христианином. Последовавшее вскоре большое жестокое гонение на христиан, последнее перед Константином, кажется трудно объяснимым событием, противоречащим всему предыдущему курсу Диоклетиана. Возможно, правы те историки, которые считали, что стареющий император терял власть, находился под сильным влиянием преемников, таких как грубый язычник Галерий, то есть не контролировал ситуацию. Вскоре после начала гонения Диоклетиан отрекся от власти (305), жил как частное лицо и дожил до Миланского эдикта; мстить ему никто не пытался. Преемники Диоклетиана начали борьбу за власть, переросшую в серию междоусобных войн. Главным виновником гонения считали Галерия, который перед своей смертью в 311 году своим указом прекратил гонения на христиан, отменил принуждение их к языческим жертвам и обязал молиться о здравии императора.

Приход к власти Константина и Миланский эдикт

Гонения на христиан нарушали обычный римский порядок и законность, погружали государство в пучину беззакония. Между прочим, это прекрасно понимали такие умеренные императоры-гонители из Антонинов, как Траян. В сохранившейся его переписке с Плинием Младшим, правителем Вифинии, прекрасно видно, как этот император опасался разгула доносительства и общего падения римского правосознания. А потому Траян заботился, чтобы обязательный порядок судопроизводства никоим образом не колебался, анонимные доносы не принимались во внимание, клеветники подлежали строгому наказанию.

Война между преемниками Диоклетиана привела к тому, что ответственная и законная центральная римская власть отсутствовала. Восстановлена эта власть была в лице императора Константина. Захват власти Константином в результате гражданской войны – любимая тема либеральных историков. Стоит напомнить, что система управления империей, введенная Диоклетианом, предусматривала двух августов для западной и восточной половин империи и двух цезарей им в помощь, управлявших четвертинками империи. Таким четвертовластником цезарем был отец Константина – Констанций Хлор, а после его смерти в 305 году легионы Галлии и Британии провозгласили Константина его наследником. Старший Август Диоклетиан утвердил это назначение. Таким образом, Константин был цезарем и сыном цезаря, а не человеком из толпы, хотя и не обладал всей полнотой власти в империи. В междоусобную войну он был вовлечен поневоле, для своей защиты.

Его победа в битве под Римом у Мульвийского моста (312), перед которой он имел видение Креста, и христианами, и язычниками воспринималась, как чудо. Войско его противника Максенция было и многочисленнее, и боеспособнее. Победа Константина была воспринята населением Рима, в большинстве языческом, как победа носителя законности над тираном, попиравшим мораль и закон. Это было главное, как и прописано на статуе Константина, сохранившейся в Риме до наших дней («сим знамением я освободил Рим от тирана»). Как же воспользовался победитель полученной властью? Константин прекратил гражданскую войну, восстановил законность и правосудие, амнистировал жертв религиозных и политических репрессий. Это сразу привлекло к нему симпатии большинства населения империи, независимо от вероисповедания, уставших от хаоса и гражданской войны. Природа вещей познается по их действиям. Действия Константина показывали, что именно он выражал подлинную природу имперской римской власти.

В контексте этой политики стоит и Миланский эдикт, опубликованный в 313 году. Важной здесь является уже преамбула, где говорится о признании Единого Бога, по воле которого существует империя и которому должна служить императорская власть. Провозглашается, что только свободное служение угодно Богу, и потому принципиально признается свобода совести за всеми подданными империи, в том числе и за христианами. Именно христиане персонально именуется в эдикте несколько раз впереди всех прочих исповеданий. Таким образом, личная симпатия императора обозначена ясно: христиане пользуются его особым покровительством, но свобода и других исповеданий нисколько не нарушается. В дополнение к сему, по Миланскому эдикту, христиане освобождались из заключения, церквям возвращались конфискованные прежде здания и участки земли (с выкупом за счет казны). Кроме того, Константином из императорской казны выделялись средства для строительства христианских храмов, давались льготы епископам и клирикам (освобождение от налогов, пользование государственной почтовой службой и т. д.). Очень важно, что опять же на счет своей казны Константин организовал перепись пятидесяти экземпляров полного свода Библии на пергаменте – чрезвычайно затратный проект. По-видимому, один из этих экземпляров Писания дошел до нас из Синай-

ского монастыря, хранилища которого ни разу не уничтожались завоевателями (знаменитый Синайский кодекс).

Такие огромные по масштабам и значимости подарки Церкви не делаются по лицемерию. Безусловный внутренний поворот, происшедший в душе Константина перед Миланским эдиктом состоял в том, что римский император впервые признал господство Единого Бога, а себя – Его служителем (а не богом), признал империю не самоценной, а служебной по отношению к истинному Богу. Следствием этого поворота было налаживание сотрудничества с христианской церковью, которая тоже служила истинному Богу. Для многих христиан трудность заключалась в признании того факта, что император обратился ко Христу и имел откровения не через Церковь, а непосредственно от Бога (*звание, якоже Павел не от человек приим, – как поется в тропаре Константину*). Но какова бы ни была роль церкви и ее служителей в личном религиозном пути Константина, это все-таки не первый вопрос. Бог на самом деле действует в истории не только через Церковь, но и непосредственно, промышляет о царствах и носителях верховной власти. Свою власть император Константин принял также не от Церкви, а по Промыслу Божию, проявившемуся в чудесном даровании воинской победы. Поэтому он мог быть «епископом внешних дел Церкви», как он сам себя называл, сотрудником, но отнюдь не послушником церковной иерархии, как хотелось бы представить дело сторонникам папской теократии. Непосредственное призвание Константина Богом означало, что и христиане должны признать обновленную Римскую империю как благословляемую Богом, а не как «царство зверя», и строить с ней равноправное сотрудничество, симфонию царства и церкви. Впрочем, и обращение Константина при помощи служителей церкви в свете дальнейшей его деятельности означало бы то же самое. Кафолические христиане так это и поняли. Например, Эльвирский собор 314 года в Испании пригрозил отлучением от церкви тем христианам, которые будут дезертировать из войска императора Константина.

Те, кто до сих пор пытаются объяснить поворот политики Константина политическим расчетом, игнорируют тот факт, что к моменту Миланского эдикта христиане в империи, по подсчетам разных историков, составляли не более 5-10 % населения. При этом в результате гонений они были изгнаны из всех органов власти и находились вне закона. Какой политик будет опираться в своей деятельности на такое гонимое меньшинство? Твердая и последовательная позиция Константина, чуждая колебаний и экстремизма, показывает, что он руководился живой верой в истинного Бога, служить которому он обещался, а не надеждами на людей.

Этого мало. «Реальные христиане» его времени, сначала донатисты, затем ариане, своими смутами дали много поводов императору для разочарования в «исторической церкви». Любой «реальный политик», но не верующий христианин, устал бы от этих многолетних смут в христианском обществе и пересмотрел бы свою религиозную политику. Константин не сделал этого только потому, что, как и Павел, знал, в Кого уверовал (ср.: 2 Тим. 1, 12), опирался на христианского Бога, а не на людей. Иного объяснения его религиозной политике дать невозможно. Альтернативные объяснения оказываются не историчными.

Первые шаги по христианизации империи

Важное отличие царствования Константина Великого от многих последующих царствований было в ненасильственной проповеди христианства, в уважении свободы совести всех подданных. Константин поддерживал христианскую проповедь, сам неоднократно говорил проповеди к подданным о преимуществах христианства, но в делах веры не прибегал к принуждению. В армии им была введена общая молитва для всех солдат к Небесному Отцу о здравии императора и его детей, тоже с целью постепенно приучать язычников к молитве Богу Единому. При этом язычники по-прежнему занимали многие важные посты в администрации и армии, не подвергаясь религиозной дискриминации.

Главными помощниками Константина стали ученые епископы. Из латиноязычных – выдающийся богослов и исповедник Осия, епископ Кордубский, один из столпов 1 Вселенского Собора. Из грекоязычных – Евсевий, епископ Кесарии Палестинской, сторонник Оригеновской школы, и другой Евсевий, епископ Никомидийский, воспитанник Антиохийской школы, один из лидеров арианской партии. Последние двое были представителями «придворного епископата», печально известного в дальнейшей истории Церкви. Но была ли в этом вина самого Константина, даровавшего епископам льготы после гонения? Профессор В. Болотов отмечал, что оба Евсевия встретили Константиново правление, будучи людьми возрастом за 50 лет, то есть, сформировались, как церковные деятели в гонимой церкви, а не при дворе. Почести императора только выявили их моральную неустойчивость, которая уже была.

Несмотря на все искушения и моральные издержки, связанные с «придворным епископатом», опора на ученое духовенство, на поддержку христианской школы была правильной. К концу правления Константина (337), т. е. через четверть века после Миланского эдикта число христиан в империи возросло до 40 % в главных городах, Риме, Александрии и других. Профессор А. Лебедев приводил наглядный пример. В середине IV века в Антиохии в школе знаменитого языческого ритора Ливания обучалось от 50 до 80 человек одновременно. В это же время в христианской школе Антиохии под руководством Флавиана и Диодора обучалось полторы тысячи учеников. Очевидно, что христианство выигрывало у язычества борьбу за школу, вырастив слой христианской интеллигенции, – и потому окончательно победило. Это стало возможным потому, что императорская власть поддержала христианскую школу. Тот же профессор А. Лебедев в заслугу императору Константину ставит тот факт, что Константин основал при дворце религиозно-философское общество, где регулярно собирались богословы и философы для дискуссий по важным вопросам, а вход был свободным. Подобные свободные публичные дискуссии проводились в IV веке и в других городах империи по острым спорным вопросам под председательством представителей местной власти (например, в Карфагене диспут кафоликов с донатистами, а в Антиохии – православных с аномеями). Как воспитаннику эллинской культуры Константину был глубоко чужд дух иудейского зелотизма, религиозной ненависти к инакомыслящим. Известно его письмо к епископу Александру Александрийскому по поводу споров с арианами, где император ставит в пример афинских философов, семьсот лет уже сохранявших пять разных философских школ. Эти философы ведут дискуссии в ареопаге, никогда не скатываясь до проклятий и насилия. Константин считал, что в отношении взаимной терпимости христиане должны подражать греческим философам, а не иудейским зелотам – и справедливо. Забвение этого принципа первого христианского императора уже в следующем веке привело, с одной стороны, к террору и погромам, устроенных монофизитами (например, известное дело Ипатии), с другой стороны, к приравнению инакомыслия к уголовному преступлению, с соответствующими репрессиями.

Именно при активной поддержке Константина христианство шагнуло далеко за пределы империи. Он поддержал христианских миссионеров в Грузии, Армении, Эфиопии, Персии,

среди готов и других народов. Как христианский император, он считал себя ответственным за распространение христианства во всех странах. И первая половина IV века была периодом бурного роста Церкви в новых народах.

В самой империи Константин пытался, насколько возможно, ввести христианские начала в общественную жизнь и закрепить законодательно. Именно он узаконил воскресный нерабочий день и перешел на седмичное счисление вместо десятичного, отменил крестную казнь, гладиаторские бои, смягчил участь рабов, запретив их истязание хозяевам. При нем были запрещены жертвы “подземным богам” (т. е. дьяволу), жертвы человеческие, а затем и вообще кровавые. Чествовать языческих богов можно было только фруктами, цветами, вином и ладаном. Язычество еще оставалось, но наиболее опасная его часть, черная магия (кровавые жертвы и гадания) была запрещена.

Отдельно стоит сказать о важных правах, предоставленных Константином Церкви: праве церковного убежища для гонимых и праве ходатайствовать о смягчении приговора в судах (печалования). Христианское милосердие было не отменой, но важным дополнением к римскому закону, к его формальной и часто бездушной справедливости. Материальные средства и права, дарованные церкви, дали ей возможность для широкой социальной деятельности в империи, заботы о сиротах, больных, стариках. Позднее блаженный Августин писал, что римские судьи и христианские епископы дополняют друг друга: судьи наказывают зло, епископы смягчают приговор. Взаимодействие государства и церкви в суде было важной чертой константиновской симфонии. Святителя Николая, хватающего палача за меч, видели на иконах и росписях многие христиане. Меньше тех, кто задумывался: а кто именно дал этому святителю такое право?

Нет нужды много говорить о широко известном храмоздательстве Константина. Боголепные храмы, воздвигнутые им за государственный счет на святых местах Палестины (в Иерусалиме, Вифлееме и Назарете), на Синае, в Антиохии и Константинополе, известны всем. Настоящее храмоздательство и, соответственно, храмовое христианское богослужение по-настоящему берут свое начало от Константина. Эти храмы с боголепным богослужением, собравшие в себе лучшие достижения христианского эллинизма, были мощным миссионерским средством по привлечению в церковь тысяч язычников. Отдельно стоит упомянуть инициативу Константина на 1 Вселенском Соборе по празднованию во всех церквях империи праздника пасхи в один день. Ему же принадлежит инициатива в учреждении праздника Рождества Христова в день поворота солнца на лето, когда римляне праздновали сатурналии. Старые формы римской жизни император-христианин хотел наполнить новым содержанием – совершенно верный шаг с миссионерской точки зрения.

Сама церковь, ее внешняя организация, начиная с Константина, была серьезно преобразована в структуру, которая в основном дожила до наших дней. Был сформирован корпус канонического церковного права и церковного суда в значительной степени под влиянием римского права. Сформировано церковное управление нескольких уровней: епархии, митрополичьи округа, экзархаты, патриархаты. Само деление церковных территорий было приведено в соответствие с имперским административным делением: епархии – провинции, митрополичьи округа – диоцезы и т. д. Стала более доступной возможность проведения церковных соборов всех уровней, начиная с местных и кончая вселенскими (во многом опять же благодаря финансовой поддержке таких мероприятий со стороны императора). Инициатива в проведении 1 Вселенского собора в Никее, его организация принадлежала императору. Никейский собор оставил по себе благодарную память в церкви, как принявший важный символ веры и показавший пример соборного решения церковных вопросов, пример симфонии церкви и империи. По его образцу и примеру проводились и последующие вселенские соборы. IV век вообще был веком соборов по преимуществу; большие соборы по несколько сотен епископов собирались чуть не каждый год.

В целом при Константине было заложено прочное основание христианской цивилизации. Попытка через четверть века другого императора Юлиана Отступника восстановить языческую империю и изгнать христианство из общественной жизни провалилась.

Стоит отметить, что, строго придерживаясь принципа свободы совести, Константин считал необходимым ограничивать деятельность деструктивных (по-современному, тоталитарных) сект, сознательно подрывавших семью, общественные устои, провоцирующих религиозные и социальные беспорядки. Например, он оставил в силе указ Диоклетиана, запрещающий деятельность манихеев. Ограничению при нем подверглись африканские донатисты, разжигавшие народные волнения (да и те после тщательного исследования их дела), акварииты, тетрадисты и другие секты. Они не получили прав юридического лица, и соответственно, не получили храмов и пособий от государства, а существовали частным образом. Позднее эти секты, особенно донатисты, впитавшие в себя социальные низы, маргинальные элементы, показали свою опасную, разрушительную силу. Разделение между Кафолической Церковью и схизмами прошло не по линии ортодоксия – ересь, а по линии признания – непризнания империи Константина.

Вся деятельность императора Константина по христианизации империи и поддержке Церкви была возможна только при условии, что власть непоколебимо находилась в его руках. Константин знал цену власти и цену утраты власти, и умел удержать ее. Посягательства на власть карались смертью, в том числе и некоторых его родственников (а в какие времена и при чьих дворах этого не было?). Для христианина это самый трудный нравственный вопрос: допустимость смертной казни. Для римлянина преступление против государства и императора однозначно означало смерть. Поэтому, будучи прав, как император, насколько Константин был прав, как христианин? Сам он, как религиозно чуткий человек, сознавал это противоречие между долгом императора и долгом христианина. Свидетельством этого служит то, что он отлагал крещение до последних часов жизни, понимая трудность совмещения крещенских обетов с обязанностями императора. В оправдание ему можно сказать, что он держался за власть не ради самой власти. Для него она была средством осуществления дела Божия – утверждения христианства в империи. Многочисленные примеры предшественников по трону, погибших в результате заговоров за два столетия и позже до Константина, заставляли серьезно относиться к проблеме безопасности власти. Пастыри церкви в основном не брались судить этих дел императора, оставив их на его совесть и суд Божий.

Недостатки Константиновской эпохи тщательно вскрыты либеральными протестантскими историками. Важнейшие из них: нарушение свободы совести, принуждение в делах веры, приравнивание ереси к уголовному преступлению, – были совершены уже после Константина и в нарушение принципов Миланского эдикта. Критики Константина вынуждены это обстоятельство признавать сквозь зубы, и ограничиваться суждениями, будто Константин вскрыл некий ящик Пандоры, положил некое начало процессу. Неудачное, несправедливое обвинение!

Обмирщение епископата и клира, понижение нравственного уровня христиан были неизбежны при любом переходе церкви от гонимого состояния к влиятельному. Подобные явления отцы ранней церкви отмечали даже перед Декиевым и Диоклетиановым гонениями. Вмешательство же императорской власти в церковное управление отнюдь не всегда бывало вредным, но часто полезным и необходимым. Беспредел таких иерархов, как «фараон» Диоскор Александрийский, проводивший известный в истории Разбойничий собор, был страшнее любого императорского вмешательства. Самосуд народных монофизитских масс, руководимых аввами, типа Варсумы, мог быть остановлен только императорской властью. Поэтому совершенно справедливо отмечал профессор В. Болотов: если в середине IV века папа Либерий требовал от императора Констанция полного невмешательства в дела церковного собора, то сто лет спустя папа Лев Великий требовал от императора Маркиана прямо противоположного, чтобы собор

проходил только под председательством и охраной императора. Император внял призыву, и в итоге получился образцовый собор – Халкидон-ский, 4 Вселенский.

Кафолическое вселенское христианство, как оно сложилось в истории, это то, которое приняло Константи-новскую Римскую империю, выросло под ее защитой и впитало в себя греко-римскую культуру. Это христианство эпохи вселенских соборов и избранных отцов Церкви (IV–IX века). Варварское христианство отвергло империю и ее культуру и исчезло довольно быстро (готское и вандальское арианство). Схизматические течения отвергли союз с империей по разным причинам (искажения в аскетике и апокалиптике и др.), выродились в секты и также исчезли из истории. Нехалкидонские церкви Востока, отвергшие союз с Империей, частью по догматическим, частью по национально-культурным причинам, были вынуждены налаживать союз с восточными нехристианскими деспотиями с неизбежными при этом сервиллизмом и обмирщением. Протоиерей Иоанн Мейендорф в своей работе «Единство империи и разделение христиан» проницательно заметил, что пока монофизиты находились в пределах империи, несмотря на церковное отделение, они еще чувствовали себя подданными христианского императора и частью христианского мира. Окончательно отрезало их арабское завоевание, сделавшее их подданными халифов и частью мира исламского. Константиновская империя стала образцом для последовавших христианских государств, и сама Церковь, помогавшая строить эти государства, ориентировалась на империю Константина. Последней преемницей империи Константина стала Российская империя, павшая в 1917 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.